

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Ли Тяньюня на тему: «Будущее человечества в философском мировоззрении Ф. Достоевского и Вл. Соловьева», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии.

В диссертационном исследовании Ли Тяньюня поставлена и успешно решена актуальная научная проблема концептуализации и сопоставления взглядов Достоевского и Соловьева на будущее человечества. До настоящего времени рассмотрение этой темы у различных авторов имело только фрагментарный и неполный характер. Диссертант справедливо исходит из того, что эти взгляды у обоих мыслителей формировались на основе христианского мировоззрения. Вместе с тем, в диссертации достаточно убедительно показано наличие у Достоевского и Соловьева идей, не соответствующих православному вероучению. В частности, по мнению диссертанта, Достоевский и Соловьев признавали, что «в конце истории человечество придет к Царству Божьему на земле, т. е. к совершенному (синтетическому, объединенному) состоянию, которое станет возможным на основе господства новой (вселенской) версии христианства». В православном вероучении такие взгляды трактуются как ересь хилиазма, поскольку итогом истории будет приход царства Антихриста и Апокалипсис. Православное сознание воспринимает историю не как «прогресс», а как деградацию и катастрофу, имеющую неизбежный конец, о котором сказано в Откровении. Тем самым, взгляды Достоевского и Соловьева на будущее человечества в целом имеют не церковное, а секулярное происхождение.

Исследование и акцентирование именно этого аспекта мировоззрения Достоевского и Соловьева в данной диссертации имеет большую актуальность, поскольку в настоящее время уже сложилась тенденция восприятия наследия Достоевского и Соловьева едва ли не как новых «учителей Церкви». Это объясняется тем, что современное секулярное сознание воспринимает христианское учение через призму своих собственных взглядов, в результате чего возникает своеобразный симбиоз элементов христианского вероучения и нехристианских элементов, которые сам носитель этих взглядов не способен различать и воспринимает как единое целое. Элементы такого симбиоза имели место у Достоевского и Соловьева, и именно поэтому они столь близки современному сознанию.

Эвристически ценным представляется и отход диссертанта от веры в ту концепцию «полифонического романа» Достоевского, которую создал М. Бахтин. В отличие от М. Бахтина, диссертант принципиально не различает голоса героев и голос автора, и воспринимает высказывания героев Достоевского как выражение его собственного мировоззрения. Именно такой подход был принят в «добахтинский» период у почти всех авторов, писавших о Достоевском, и он имел свой позитивный результат, показывая сложность и неоднозначность его мировоззрения, которое вовсе не сводилось к только сознательно исповедуемому им Православию, но также включало в себя ряд секулярных и неоязыческих элементов. Именно эти элементы удачно раскрыты в диссертации.

С другой стороны, к сожалению, автор иногда допускает фактические ошибки, давая крайне искаженное представление о взглядах Достоевского и его героев. Например, он утверждает, что идея бессмертия у Достоевского якобы «должна пониматься в необычном

смысле, не совпадающем с идеей бессмертия в церковном учении: человек должен верить в продолжение своего существования в том же земном мире после смерти; в этом случае можно верить, что все люди будут существовать в окончательном состоянии общества и мироздания в конце истории (эту мысль Достоевский выразил в фрагменте «Маша лежит на столе»)). В действительности же у Достоевского нигде нет высказываний о том, что бессмертие – это «продолжение своего существования в том же земном мире после смерти», во-первых, потому, что это не соответствует христианскому вероучению, а во-вторых, потому, что эта идея сама по себе логически абсурдна. В «земном мире после смерти» существуют только зомби и привидения. Нет оснований сблизить Достоевского с фантазиями современного «трансгуманизма». В частности, в упомянутом фрагменте «Маша лежит на столе» у Достоевского речь идет о райском бытии в его ортодоксальном христианском понимании, хотя и выраженном в художественной форме.

Художественный язык имеет свою специфику, которую всегда следует учитывать, интерпретируя отдельные его элементы. В частности, когда Свидригайлов определяет вечность как маленькую деревенскую «баню с пауками», то это живая метафора состояния безысходности человека в аду, а вовсе не натуралистическое описание ада.

Кроме этого, диссертант в своих формулировках иногда допускает выводы, которые не соответствуют мировоззрению самого Достоевского. Например, приписывая ему мысль о том, что когда «человечество окончательно примет идеал Христа и ему не нужна будет церковь». Достоевский действительно высказывал свое упование на то, что когда-то «человечество окончательно примет идеал Христа», однако это нисколько не означает, что ему тогда «не нужна будет церковь». Вечное существование Церкви Христовой исповедуется в Символе веры, и нет оснований считать, что Достоевский отрицал это.

Другим примером логически непоследовательных суждений может быть следующее. Согласно Достоевскому, как утверждает диссертант, «если же человек не верит в бессмертие, он не может перенести страдания этого мира, не может принять их и поверить в возможность благого будущего для людей, поэтому он хочет любой ценой изменить этот мир». Если первая часть этого утверждения («если же человек не верит в бессмертие, он не может перенести страдания этого мира») встречается у самого Достоевского, хотя и не вполне соответствует реальности (страдания этого мира иногда хорошо переносят и атеисты); то общее умозаключение выглядит странным, и его нет у самого Достоевского. Действительно, если духовная сила человека и его способность переносить страдания основана на вере в бессмертие и вечное бытие с Богом, то ему для этого уже не требуются ни «благое будущее для людей», ни стремление «любой ценой изменить этот мир». По сути, вера в бессмертие делает логически излишними всякие земные упования – это аксиома любого религиозного сознания, и не только христианского. Само стремление «любой ценой изменить этот мир» ради «благого будущего для людей» – это первый признак обожженного, секулярного сознания. Естественно, у Достоевского этого нет.

Диссертант также исходит из тезиса, согласно которому Соловьев полагал, что грядущее вселенское христианство возникнет из синтеза христианских церквей. В целом с этим можно согласиться, однако с той оговоркой, что идеи теократической утопии Соловьев развивал в ранний период творчества и отошел от них к концу жизни. Поэтому трудно быть уверенным в том, что он продолжал их исповедовать и в свой поздний период.

Можно согласиться с диссертантом в его тезисе о том, что Кириллов в романе «Бесы» является положительным героем-идеологом, выражающим важные аспекты философского мировоззрения Достоевского, поскольку он испытывает радость от каждого мгновения жизни. Однако парадокс этого образа, не замеченный диссертантом, состоит в том, что именно переизбыток удовольствия от земной жизни чаще всего и становится основой суицидальных наклонностей в человеке. Человек утверждает себя в земной жизни только «внешней точкой опоры» по отношению к ней, а не самой этой жизнью. Призыв: «Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни» – является роковым самообманом.

Диссертант справедливо отмечает, что Достоевский представляет себе путь к грядущему единому, синтетическому состоянию человечества только через становление каждого человека богочеловеком, полностью подобным Христу. Однако этот тезис также требует прояснения: во-первых, это общее упование всех христиан, а не только Достоевского; во-вторых, это упование не может быть исполнено в земной жизни по онтологической причине – в силу разрушенности богоподобия человека Первородным грехом.

Можно было бы назвать еще ряд достаточно странных утверждений диссертанта, которые явно не соответствуют ни реальным текстам Достоевского и Соловьева, ни общей логике их мировоззрения. Однако эти естественные замечания несколько не влияют на общую позитивную оценку работы. В целом можно сделать вывод о том, что, не смотря на наличие в диссертации некоторых ошибочных утверждений, в целом она является ценным и оригинальным исследованием, заслуживающим высокой оценки. В контексте истории изучения творчества Достоевского можно утверждать, что работа Ли Тяньюня во многом подтвердила обвинения Достоевского в «розовом христианстве» со стороны К. Леонтьева. Это очень актуально для нашего времени, когда имеется тенденция к некритическому «идолопоклонству» перед Достоевским и поэтому требуется более адекватное понимание его мировоззрения и специфики его художественного мира.

Диссертация Ли Тяньюня на тему: «Будущее человечества в философском мировоззрении Ф. Достоевского и Вл. Соловьева» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Ли Тяньюнь заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Луганского государственного
педагогического университета

Даренский Виталий Юрьевич

01.06.2022 г.

Подпись Даренского В. Ю.
Заверяю
Начальник отдела кадров И. П. Петрова

